

Александр Чернов

Бриллиантовая диадема

Звонок

Ура, свершилось! Наконец-то я могу причислить себя к разряду автовладельцев! Машину я купил, правда подержанную, зато немецкую, причем «БМВ», а автомобили этой марки, как известно, в старости бегают намного лучше, чем машины отечественного автопрома в молодости.

А купил машину благодаря тому, что нам в детской юношеской спортивной школе, в коей я работаю тренером по вольной борьбе, повысили заработную плату, причем сразу настолько, что я за какие-то полтора года сумел накопить небольшую сумму — к имевшемуся у меня уже капиталу — на бэушную тачку. Это не хвастовство, это горькая ирония относительно зарплаты, которую нам платит государство.

В гаражном кооперативе, состоящем из четырех линий железобетонных боксов, я заранее арендовал для своей машинки гараж со смотровой ямой, подвалом, полками, верстаком, пусть радуется: как-никак машина — вторая жена, а у меня единственная, ибо я не женат, — почему бы не

побаловать свою девочку хорошими «бытовыми» условиями, а уж заботу и внимание со своей стороны я ей обещаю.

От дома до гаражей пять минут ходьбы. И вот, миновав первую линию боксов, я подошел ко второй и открыл ворота под номером 97. Вот она!.. Черная машина, блестящая лаком, так и манила дотронуться до ее гладкой восхитительной поверхности.

Погладил я машину рукой, сел за руль отделанного местами пластиком под дерево автомобиля, выехал из бокса и закрыл ворота. Это моя первая самостоятельная поездка за рулем, поэтому легко представить, как у меня тряслись поджилки и вибрировали руки, когда я вновь сел за руль и потихоньку поехал прочь из гаражного кооператива. К счастью, было раннее утро, и никого, кто видел бы выезжающего из гаражей чайника, вокруг не было. Это пацанам, кому по двадцать лет, говорят, езда с ходу дается, а мне уже тридцать шесть, многое упущено, но ничего, я большой, смелый и сильный, справлюсь. Ну, Игорь Гладышев, ну, камикадзе, держись! Обратной дороги нет!

Люблю Москву — проспекты, улицы, бульвары! Ее дома, шум деревьев, небо, воздух, солнце... Еще что?.. Жителей, конечно же, очень сильно — женщин, времена года, особенно весну.

Сейчас, между прочим, самое прелестное время года в разгаре. Так что люблю пьянящий, настоящий на аромате цветущих садов ветерок, врывающийся в окошко машины! Эх, черный «бумер», черный «бумер»!

Это я, конечно, хорохорюсь. На самом деле я ехал в ужасном нервном напряжении, вцепившись в руль, готовый при любой угрозе моему здоровью со стороны участников дорожного движения выпрыгнуть из машины. Но вот, слава богу, и конец пути. Прямая как стрела дорога упиралась в большущую арку, на двух колоннах которой располагались футбольные мячи, а на дугообразном перекрытии рельефными буквами выбита гордая надпись «Стадион «Трактор». На базе стадиона и находится наша ДЮСШ.

На автостоянке у глухой стены пока пусто. Я припарковал свой «БМВ», миновал арку, а пару минут спустя уже входил в одно из зданий ДЮСШ, где располагались спортзалы для различных видов борьбы восточных единоборств и бокса. Проплутав по лабиринтам здания, я оказался в длинном коридоре, оканчивавшимся залом для «вольников», «классиков» и самбистов. Это и есть мое рабочее место.

Поскольку сегодня я впервые ехал на автомобиле, то встал пораньше и прибыл рано. Детей, которые учатся во вторую смену, а я их

тренирую в первую, пока еще нет. Свой спортзал я люблю. Он небольшой, уютный, застелен ковром для борьбы, а стенки обиты матами, чтобы во время тренировки дети ненароком не ударились о бетонные стены и не получили травмы. Имеется кое-какой спортивный инвентарь, а недавно приобрели тренажеры. В общем, зал что надо! Для настоящих мужчин.

Я быстренько переоделся, размялся, качнулся на тренажерах, побаловался с гирями и штангой, затем принял душ. Время пока еще оставалось, и сел в тренерской комнате (она же кабинет завуча) и стал заполнять электронный журнал.

Минут через пятнадцать пришел Иван Сергеевич Колесников — завуч ДЮСШ. Мне ужасно не повезло в том, что именно рядом с моим спортзалом находится кабинет начальства, следовательно, я всегда на виду у завуча. Впрочем, мужик он мировой, за нас, тренеров, в огонь и воду, но все же лучше бы его кабинет располагался где-нибудь в другом месте.

Колесников — некогда легкоатлет, ныне страдающий одышкой пожилой мужчина. У него широкое, с ноздреватой отвисшей кожей лицо со свирепым выражением. Всем своим видом Колесников напоминает дряхлого бульдога.

Несколько минут спустя стали прибывать дети, а когда вся группа в количестве пятнадцати

человек оказалась в сборе, пацаны построились на ковре, и я вышел на середину зала.

— Здравствуйте, юноши! — рявкнул я громовым голосом.

— Здравствуйте, тренер! — ответил мне хор мальчишек от десяти до двенадцати лет.

— Напра-во! В обход по залу шаго-ом марш!

Я был в ударе и разминку провел по высшему разряду, то есть заставил пацанов выложиться по полной программе, а потом занялся разучиванием нового приема — броска через бедро.

Пару часиков спустя, во время занятий со второй группой мальчишек, в спортзал заглянул Колесников и недовольно бросил:

— Гладышев, тебя к телефону.

Оно и понятно, какому завучу понравится, когда тренера отвлекают от занятий со спортсменами. Чтобы пацаны в мое отсутствие чего не натворили, я дал команду принять упор лежа и отжиматься до упаду, а сам выскочил в длинный узкий коридор и скользнул в кабинет к Ивану Сергеевичу.

Колесников глянул на меня поверх очков, издал хрюкающий звук и недовольно и громко, явно желая, чтобы на том конце лежащей на столе телефонной трубки его слышали, проговорил:

— Жадные у тебя друзья, Гладышев! Не звонят, как все нормальные люди, на мобильник, а

все сэкономить норовят, названивают на городской телефон.

Я развел руками, глянул на трубку и перевел укоризненный взгляд на Колесникова. Завуч уткнулся в какие-то документы, лежащие у него на столе, а я взял телефонную трубку.

— Алло?!

— Здравствуйте, Игорь Степанович! Извините за то, что звоню вам на городской телефон, — оправдываясь, затараторила женщина с довольно-таки приятным голосом, а я вновь осуждающе взглянул на Колесникова — услышал все же абонент реплику моего начальника. — Но дело в том, что наша общая знакомая Вера Ягодкина дала мне только ваш рабочий и домашний телефоны, посчитав, что мобильный без вашего разрешения давать не вправе. Я сначала позвонила вам домой, но никто не взял трубку, и вот звоню вам на работу.

Вера Ягодкина, моя соседка по дому и хорошая приятельница, поступила совершенно верно — этикет при раздаче телефонных номеров соблюдает, за что спасибо ей нижайшее от нашего завуча, что сидит сейчас с кислой миной и корпит над документами.

— Здравствуйте, извините, не имею чести знать вашего имени-отчества, — проговорил я галантно, а сам выставил свободное от трубки ухо в

направлении зала, прислушиваясь, не шалят ли пацаны, но нет, там было тихо.

— Наталья Александровна, — с готовностью подсказала женщина.

— Чем могу быть полезен, Наталья Александровна?

— Видите ли, Игорь Степанович, — замялась женщина, — я работаю заведующей в детском садике, и у нас случилось ЧП.

Честно говоря, я был озадачен.

— Извините, а я-то тут при чем? — спросил я, не скрывая удивления.

— Вера Ягодкина мне говорила, что вы занимаетесь всякого рода таинственными происшествиями, а не так давно даже помогли ей в одном деле.

— Ну, насчет того, что занимаюсь таинственными происшествиями, громко сказано... — проговорил я раздумчиво, соображая, как бы увильнуть от предлагаемого мне дела.

Действительно, был у меня кое-какой опыт поискового, но никак не сыскного плана, просто есть у меня свойство впутываться во всевозможного рода истории, а потом с риском для жизни выпутываться из них. Помог я как-то и Ягодкиной найти ее пропавшую дочь Элку. Но это вовсе не значит, что я занимаюсь частным сыском.

Очевидно, чувствуя мою нерешительность,

заведующая детским садом настойчиво проговорила:

— Игорь Степанович, я очень прошу вас помочь мне. Это очень важно.

Я все еще колебался.

— Наталья Александровна, я думаю, вам лучше обратиться в полицию, — проговорил я, подыскивая подходящий аргумент для отказа, но никак не находил. — Там квалифицированные следователи, они наверняка лучше меня, обычного дилетанта в криминалистике, помогут разобраться в вашей ситуации.

Заведующая детским садиком просительным тоном проговорила:

— Дело весьма деликатного свойства, Игорь Степанович, поэтому я не могу обращаться в полицию. Я умоляю вас, помогите мне!

Уши Колесникова от волнения трепетали. Нет, все же в ближайшее время придется раскошелиться на радиотелефон и вести телефонные разговоры вдали от завуча, а то от любопытства у него уши скоро вытянутся и станут похожими на ослиные.

— Честно говоря, я даже не знаю... — протянул я, никак не решаясь дать однозначный ответ.

— Я вам хорошо заплачу, — привела Наталья Александровна последний довод из имеющихся у

нее в арсенале, чтобы склонить меня к выполнению ее просьбы.

Не могу сказать, чтобы в принятии мной решения взяться за дело главную роль сыграл денежный фактор, хотя он и не так уж мало для меня значит — скорее любопытство, любознательность, азарт охотника, выслеживающего дичь, но как бы там ни было, я согласился:

— Хорошо, Наталья Александровна, я берусь за ваше дело.

В телефонной трубке было отчетливо слышно, как у заведующей детским садом вырвался вздох облегчения.

— Огромное вам спасибо, Игорь Степанович! Вы так меня выручили! Я, честно говоря, и не надеялась, что вы согласитесь. Вы очень отзывчивый человек!..

Да, я такой, потому и вляпываюсь в разного рода истории, попаду, видимо, и сейчас. Я бы еще с удовольствием послушал в мою честь дифирамбы, да пацаны ждут и завуч проявляет недовольство, то и дело бросает в мою сторону свирепые взгляды, требуя, таким образом, прекратить разговор. Потому я прервал хвалебную речь женщины.

— Извините, Наталья Александровна, но у меня сейчас тренировка, я тороплюсь, — произнес я скороговоркой, показывая взглядом завучу, что,

мол, все, закругляюсь. — И тем не менее что у вас случилось? Надеюсь, у ваших ног не лежит труп, а вы не звоните мне, держа в одной руке телефонную трубку, а в другой — окровавленный нож?

Как ни была расстроена и озабочена заведующая детским садом, она все же издала смешок:

— Нет, нет, Игорь Степанович, никакого трупа. Но о том, что произошло, сами понимаете, я вам не могу рассказать по телефону. Обо всем сообщу при личной встрече.

— Хорошо, запишите номер моего мобильного телефона, позвоните мне через пару часиков, и мы договоримся о встрече.

Я продиктовал женщине номер мобильного и положил трубку. Одновременно со звуком легшей на рычаги трубки клацнула бульдожья челюсть завуча.

— Что, Гладышев, спокойная жизнь надоела, и ты опять впутываешься в чужие дела?! — рявкнул Колесников.

— Да ладно, Иван Сергеевич, — проговорил я задумчиво, гадая, что сулит мне встреча с заведующей детским садиком.

Я выскользнул из кабинета начальства и вошел в зал. К счастью, пацаны не баловались, лежали на ковре и переговаривались. При моем появлении они тотчас приняли упор лежа и стали с

удвоенной энергией отжиматься, делая вид, будто во время моего отсутствия усиленно качались. Я не стал придирается из-за того, что мальчишки сачкуют, сделал вид, будто поверил им, и скомандовал:

— К отработке приема «бросок через бедро» приступить!

Детский сад

Как мы и договаривались, Наталья Александровна позвонила мне и сообщила адрес детского сада — Новоспасский переулок, дом 30. Я обещал приехать сразу, как только освобожусь. Закончив в шесть часов последнюю тренировку, я сел в свой автомобиль и поехал по требующемуся мне адресу.

К несчастью, детский сад находился далеко от моей работы, да еще эти вечные пробки, и потому мне пришлось ехать по оживленным улицам города довольно долго. Наконец закончилась и моя поездка, приведшая меня к двухэтажному П-образному утопающему в зелени строению с внутренним двориком и несколькими большущими беседками — игровыми местами для детсадовских групп. Рабочий день уже давно закончился, двор опустел, очевидно, даже нерадивые родители забрали своих малышей, но заведующая, как мы

договаривались, должна быть на месте.

Я припарковал автомобиль у левого крыла здания, где был главный вход, покинул машину и, пройдя по аллейке из елочек, приблизился к входу. Табличка на стене гласила, что в этом здании располагается Детский сад № 24 и называется он «Теремок».

Тук-тук, кто в теремочке живет? Я надавил на кнопку видеодомофона, расположенного рядом с глухой железной дверью, и, когда мужской грубый голос спросил: «Кто там?!» — ответил:

— Это я, медведь, пустите в теремок!

Все тот же голос, не меняя интонации, ответил:

— А не пошел бы ты, медведь, лесом?! Ходят тут шутники всякие...

Понятно, медведь уже в теремке, и с чувством юмора он не дружит.

— Извините, — проговорил я, переходя на тон солидного человека. — Мне заведующая детским садом Наталья Александровна нужна. У меня с ней встреча назначена.

Медведь за железной дверью «Теремка» сразу подобрел.

— Ах, вы к заведующей, — залебезил он. — Сейчас открою!

Щелкнул язычок электронного замка, и дверь приоткрылась. Я распахнул ее шире, миновал

тамбур и ступил в крохотный вестибюль детского сада.

Конечно же, медведем оказался охранник в песочного цвета униформе. Ничего удивительного в том, что детский сад охраняет какой-нибудь ЧОП типа «Альянс-мезальянс плюс», не было. У нас одна половина города работает, другая ее охраняет, никто без работы не остается.

Рабочее место охранника — за дугообразным ресепшн, расположенным у входной двери. Неподалеку находилась еще одна дверь, ведущая в берлогу, где, очевидно, спал медведь, тьфу, представитель ЧОПа в ночное время.

Охранником был невысокий широкоплечий мужчина лет сорока пяти. У него широкоскулое лицо, маленькие глубоко посаженные глаза, шишковидный нос, пшеничного цвета пышные усы и наоборот — очень редкие волосы на голове. Я легко мог его представить себе в ковбойской шляпе, клетчатой рубашке, кожаных штанах и с бляхой на груди, разъезжающим в качестве шерифа на коне или стареньком автомобиле по своим владениям — какому-нибудь захолустному американскому городку штата Вирджиния, Оклахома, Нью-Мексико или еще какому иному. Вон где может быть его место, а он здесь охранником прозябает.

— Ваши документики, — попросил охранник

и, когда я показал ему паспорт, без которого нынче никуда, даже в детский сад не пустят, проговорил: — Вы извините, что я вам так ответил. Садик «Теремок» называется, вот все кому не лень и прикалываются на этот счет. Я думал, очередной шутник звонит, поиздеваться хочет.

Я хмыкнул:

— Да все в порядке, ковбой. Выходит, я не оригинален по части шуток про «Теремок». Ладно, где Наталья Александровна?

Охранник, записавший мои данные в журнал учета посетителей, вернул мне паспорт и указал на противоположную сторону вестибюля, где на двери, расположенной справа, висела табличка «Заведующая Быстрова Наталья Александровна».

— Пройдите, она все еще на работе, видимо, вас дожидается.

Последовав совету ковбоя, я миновал вестибюль и постучал в двери заведующей.

— Войдите, — раздался уже знакомый мне по телефонному разговору мелодичный голосок.

Я повиновался. Небольшой кабинет, в который я вошел, был обклеен веселенькими обоями, завешан детскими рисунками, заставлен цветочками в горшочках, игрушками и красочно оформленными книжками в шкафах, что вполне соответствовало типу детского заведения, в коем находился этот самый кабинет. По-видимому, для

того, чтобы детишки, попавшие сюда, не очень-то пугались начальства.

Разумеется, мелодичный голосок, звучащий в телефонной трубке, не мог принадлежать монстру, а только миловидной женщине, какой и оказалась в действительности заведующая детским садом. Ей было года тридцать два. Блондинка с длинными до плеч волосами, чуть вздернутым носом, большущими глазами, пухлыми губками, Быстрова производила хорошее впечатление. Она не была, подобно некоторым дамам, занявшим пост начальника в относительно молодом возрасте, экстравагантно одета, устрашающе накрашена, напудрена, не носила длинных вычурно разукрашенных ногтей, высокой взбитой прически и т. д. Обычная, но тем не менее привлекательная и какая-то домашняя женщина, очевидно, именно такой и должна быть заведующая детским садом.

При моем появлении Быстрова вскочила из-за письменного стола, за которым что-то писала, и порывисто подалась к двери. Она оказалась худенькой, среднего роста, с хорошенькой фигуркой. Темный деловой костюм подчеркивал белизну ее шелковистой кожи, изящные линии тела, выше бедра юбка — красоту стройных ног. Быстрая, легкая, ею можно было залюбоваться.

— Игорь Степанович?! — вдруг остановившись на полпути, спросила она, видимо,

сомневаясь, тот ли человек пришел, которого она ждала.

Я кивнул.

— Он самый. Наталья Александровна?!

— Да-да, проходите, садитесь, — захолопотала хозяйка кабинета. Она была явно взволнована, о чем свидетельствовали и суетливые движения, и розовые щечки, к которым прилила кровь, и если бы были видны ее скрытые длинными волосами ушки, то и они наверняка были красными.

Быстрова предложила мне сесть за стол совещаний, но я не хотел, чтобы заведующая детским садом сидела за столом начальника, а я в роли подчиненного торчал на дальнем конце стола, потому пристроился на диванчике у стены, заставив тем самым молодую женщину придвинуть стул и сесть напротив. При таком раскладе мест нашего дуэта обстановка, как мне показалось, будет более непринужденной, а соответственно, и беседа пройдет в доверительном тоне.

Быстрова вдруг спохватилась:

— Вам чай? Кофе?

Но я пресек ее попытку встать категоричным жестом:

— Не беспокойтесь! Я уже попил кофе на работе. Лучше расскажите, что случилось.

— Ах, да, — расслабившись, произнесла Наталья Александровна и вновь опустилась на стул.

Она несколько секунд собиралась с мыслями, потом медленно заговорила: — Понимаете, Игорь Степанович, я не просто так стала заведующей детским садом. — Внезапно у Быстровой стали красными не только щеки, но и скулы, шея, нос и даже лоб. Она запнулась, затем решительно произнесла: — Один очень хорошо известный в нашем городе человек, я не хочу называть его фамилию, принимает, скажем так, живое участие в моей жизни. Вот он и поспособствовал моему продвижению по службе.

— Неожиданное признание, — изрек я добродушно, ни в коей мере не стараясь подшучивать над молодой женщиной — не тот случай, она и так смущается. — Все то, что вы сейчас говорите, имеет какое-либо отношение к цели моего визита?

— О, да-да, — торопливо сказала Наталья Александровна. — Самое непосредственное.

— Тогда будем называть вещи своими именами, — заявил я и в знак того, что настроен бескомпромиссно, слегка ударил по подлокотнику дивана. — Этот хорошо известный в нашем городе человек ваш любовник?

Быстрова опустила взгляд, но через секунду вновь открыто посмотрела мне в глаза:

— Да.

— Тогда вам уж придется назвать имя этого

человека.

Заведующая детским садом заколебалась:

— Понимаете, он очень хорошо известная личность в нашем городе, у него семья — жена, дочь, сын.

— Я не болтун, Наталья Александровна, — позволил я себе улыбнуться. — Тайну нашей беседы я вам гарантирую. Впрочем, если вы не хотите, я не настаиваю...

Я хотел добавить: «Все что нужно, я все равно узнаю», но поскольку диван был неудобным, и я, перед тем как произнести фразу пошевелился, чтобы удобнее устроиться, заведующая детским садом, решив, будто я собираюсь встать и уйти, предвосхитила мои слова.

— Ну, хорошо, хорошо, — проговорила она поспешно. — Это Сергей Николаевич Варламов — один из заместителей мэра.

Честно говоря, мне эта фамилия ни о чем не говорила. Ни с одним из замов мэра я никогда не встречался, да и самого мэра только по телевизору видел. Тем не менее я с видом человека, осознающего всю величину личности Варламова, покачал головой:

— Понятно.

— На свадьбу своей дочери, которая должна состояться через месяц, — продолжала Быстрова, — Сергей Николаевич решил купить

диадему с бриллиантами. Это эксклюзивная вещь, стоимостью несколько миллионов долларов. Большую ценность представляет и шкатулка, изготовленная специально для диадемы.

Я в душе присвистнул — живут же заместители мэра! Тут на машину-то еле-еле наскреб!

— Он оставил задаток за шкатулку, а ее забрал у продавца с тем, чтобы проверить истинную ценность ювелирных украшений. Для чего он договорился на завтра с ювелиром-экспертом провести осмотр и оценку диадемы и шкатулки.

— Но позвольте, — воскликнул я, все еще ошеломленный стоимостью ювелирных украшений. — Как же продавец согласился дать такую дорогую вещь Варламову под задаток, наверняка в десятки раз меньший стоимости диадемы и шкатулки?

Наталья Александровна снисходительно улыбнулась:

— На том уровне, на каком ведет свои дела Сергей Николаевич, принято доверять друг другу. Продавец — Владимир Андреевич Сукнов. Его бизнес — золото, бриллианты, ювелирные украшения, в общем, все то, что связано с изготовлением, покупкой и продажей драгоценностей. Он тяжеловес в мире бизнеса,

близкий друг Варламова, а таких людей не обманывают. Кроме того, поверьте, у Сукнова есть рычаги воздействия на зама мэра в случае невыполнения им условий соглашения покупки — это и векселя, и ценные бумаги, и репутация зама мэра.

— Отраднo, что хоть на таком уровне сохранились добропорядочные человеческие отношения, — не смог я скрыть иронии. — У высоких людей высокие отношения. В нашей среде не то что диадему и шкатулку — упаковку от них никому доверить нельзя — сопрут!

Наверное, я сморозил глупость, потому что заведующая детским садом посмотрела на меня как-то странно.

— Не обращайтесь внимания, — проговорил я извиняющимся тоном. — Мой глупый длинный язык иной раз мелет что попало! Думаю, в ближайшее время наказать его, да побольней. Пирсинг вот хочу сделать!

Быстрова, не зная, как реагировать на мои слова, натянуто улыбнулась, затем вернулась к своему рассказу:

— Как я уже говорила, Сергей Николаевич договорился о встрече с ювелиром на завтра, но неожиданно ему срочно потребовалось ехать в составе делегации в Германию, и он сегодня утром примчался ко мне на работу. Зам мэра является

неофициальным спонсором нашего детского сада, поэтому ничего удивительного в том, что он иногда появляется в нашем дошкольном заведении, нет, — потупившись, пояснила Быстрова. — Сергей Николаевич держит втайне от семьи покупку диадемы, он не хотел бы, чтобы жена, а главное, дочь, для которой и предназначен подарок, раньше времени узнали о готовящемся сюрпризе. Поскольку Сергей Николаевич доверяет мне, — молодая женщина вновь подняла взгляд, — то он попросил, чтобы я подержала диадему и шкатулку в своем сейфе, а завтра в садик придет ювелир и оценит драгоценности прямо здесь, в моем кабинете. Я согласилась... И вот... вот... — долгое время подавляемые Натальей Александровной эмоции просились наружу, ее милостивое личико перекосилось, казалось, еще немного, и она расплачется, как маленькая девочка.

Я уже давно понял, чем закончилась история с диадемой и шкатулкой, но, чтобы раньше времени не разводить слезы и сопли — еще успеется, — призвал заведующую детским садом к порядку:

— Продолжайте, пожалуйста, Наталья Александровна!

— Да-да, разумеется, — произнесла Быстрова после паузы, потребовавшейся ей, чтобы справиться с собой. — Так вот, Сергей Николаевич показал мне утром диадему в шкатулке, объяснил,

что от меня требуется, оставил драгоценности и умчался. А я замоталась. К нам в садик сегодня утром приехал кукольный театр, мне нужно было определить артистам место проведения спектакля, примерную, решить кое-какие технические вопросы, распределить места в актовом зале для посадки детсадовских групп... в общем, много чего. После того как Сергей Николаевич уехал, я вошла в свой кабинет, чтобы запереть шкатулку в сейф, но тут меня вызвала медсестра к малышу, у которого неожиданно открылась рвота. Я оставила коробку на столе и пошла в группу, где случилось ЧП. Мальчик действительно заболел, и я распорядилась, чтобы воспитатель вызвала в детский сад родителей. Про коробку, оставшуюся на столе, я совсем забыла. Вспомнила о ней лишь в конце спектакля. Я выскочила из актового зала, прошла в свой кабинет. Коробка так и стояла на столе. Я спрятала ее в сейф и вернулась в актовый зал. И вот, когда спектакль закончился и артисты уехали, я решила еще раз полюбоваться на диадему. В своем кабинете я открыла сейф, раскрыла упаковку, но шкатулки в ней не оказалось. Там лежала половинка кирпича.

«Все это было бы смешно, если бы не было так грустно», — констатировал я про себя. Я угадал концовку истории с драгоценностями. Уперли шкатулку. Мне очень хотелось высказать свое

отношение к происшедшему, однако я сдержался, лишь пожурил Быстрову:

— Но как вы могли, Наталья Александровна, забыть спрятать такую дорогостоящую вещь в сейф?

Каким бы ни был мягким укор, он явился последней каплей, переполнившей чашу терпения Быстровой. Она разрыдалась. Я не спешил ее успокаивать, пусть выплачется.

Платочка у меня не было, зато на столе я увидел бумажные салфетки. Я приподнялся, взял салфетки и протянул их заведующей детским садом. Пробормотав слова благодарности, молодая женщина стала промокать салфетками глаза. Судя по тому, что в пачке салфеток было меньше половины, Наталья Александровна сегодня их уже использовала, и не единожды, причем для той же цели, что и сейчас. Наконец, решив, что Быстрова излила из себя достаточное количество жидкости, я проговорил:

— Успокойтесь, Наталья Александровна!

Но мои слова не возымели успеха — заведующая детским садом продолжала рыдать почему зря. Я встал, взял все с того же стола бутылку минералки, открыл ее и, плеснув воды в одноразовый стаканчик, сунул в руки Быстровой.

— Попейте.

Молодая женщина взяла стакан и припала к

нему, словно усталый путник к роднику. Через пару минут она, наконец, успокоилась.

— Вы понимаете, Игорь Степанович, — все еще всхлипывая, заговорила Быстрова, — у меня и в мыслях не было, что кто-то может взять шкатулку. Никто о ней знать не знал, ведать не ведал. Да и мой кабинет сам по себе — крепость. Он надежно закрывается на ключ, и без моего ведома в него никто не мог попасть.

— Давайте о нюансах поговорим чуть позже, — предложил я. — А сейчас доведите свой рассказ до логического конца. Что вы сделали после того, как обнаружили пропажу?

— После того, как я обнаружила пропажу, — как прилежная ученица, отвечающая выученный урок, откликнулась заведующая детским садом, — я обежала всех сотрудников и спросила об исчезнувшей шкатулке. Но никто ничего не знал и не видел. Тогда я позвонила Вере Ягодкиной. Она моя старая приятельница, мы как-то сидели с ней в одной компании, и Вера рассказала о том, как вы ей однажды помогли найти ее пропавшую дочь Эллу. Вот я и решила обратиться к вам за помощью.

— А в полицию не стали обращаться потому, что не хотели афишировать свои отношения с Варламовым? — заключил я.

— И не только, — шмыгая носом, с угрюмым видом призналась Быстрова. — Сергей Николаевич

доверяет мне, но, если я вдруг проявлю себя безалаберной женщиной, бросившей на произвол судьбы драгоценности, да к тому же по моей вине разразится скандал, он мне этого не простит, и тогда я не только утрачу его доверие, но и покровительство.

— А если вас косвенно обвинят в пропаже шкатулки и диадемы и повесят на вас несколько миллионов долларов, так будет лучше? — удивился я.

Заведующая детским садом повела хрупким плечом:

— Не знаю. Но я пытаюсь спасти положение, для того и хочу вас нанять. — Она встала, подошла к письменному столу и, открыв ящик, вытащила из него деньги. Вернувшись ко мне, протянула пачку банкнот. — Здесь сто тысяч рублей. Это аванс. Найдете диадему и шкатулку, получите еще двести. Если вы будете нести какие-то траты, то представите мне счета, я их оплачу. Ну, так как, вы согласны мне помочь?

«Отчего не помочь хорошенькой молодой женщине, тем более за деньги?» — пока я пялился на пачку банкнот, говорила одна, оптимистическая, сторона моей души, в то время как другая, пессимистическая, молвила обратное: «Ох и найдешь ты, Игорек, с этими драгоценностями себе приключения на одно место!» И тем не менее

оптимист во мне стал побеждать. Чему способствовали и прекрасные глаза Натальи Александровны, вернее, их выражение, а выражали они такую мольбу, отчаяние и надежду, что, сиди на моем месте человек с каменным сердцем, оно у него наверняка сомлело бы, чего уж говорить о мягкосердечном тренере детской юношеской спортивной школы, к тому же холостяке? Эх, скольких вы сгубили, прекрасные глаза!.. В общем, я подавил в себе пессимиста и, ни слова не сказав, взял протянутые деньги.

— У меня такой вопрос, Наталья Александровна, — проговорил я, пряча пачку банкнот в карман джинсов. — Вы сказали, что никто, кроме вас, не мог попасть к вам в кабинет. Это означает, что ни у кого, кроме вас, нет ключа от кабинета?

Заведующая детским садом вновь села на стул и сложила на коленях ухоженные руки.

— Есть, конечно. Все дубликаты ключей находятся у завхоза в сейфе, но она сегодня с утра уехала с отчетом в департамент, а потому доступ к ключам в течение всего дня был закрыт.

Что ж, завхоза из числа подозреваемых можно смело исключить, уже легче.

— А не мог кто-то взять ваш ключ? — поинтересовался я.

Быстрова покачала головой и категоричным

тоном проговорила:

— Исключено. Обычно утром я забираю ключ у охранника, весь день ношу его с собой, а вечером вновь сдаю на охрану. Когда днем уезжаю по делам, тоже сдаю.

— А не мог охранник сделать дубликат ключа?

— Разумеется, мог, только зачем ему это нужно? Ведь ключ с вечера и до утра находится в его распоряжении, и, если ему что-то потребуется в кабинете, он может попасть в него в мое отсутствие на работе, — резонно заметила молодая женщина. — Если бы он знал заранее о том, что в кабинете окажется коробка с драгоценностями, тогда, да, можно предположить, будто он изготовил дубликат. Но я повторяю: никому, в том числе охраннику и мне, не было известно о том, что сегодня утром приедет Сергей Николаевич и привезет шкатулку.

— Значит, кому-то было известно, раз драгоценности исчезли, — вздохнув, резюмировал я.

Быстрова ответила мне тусклой улыбкой измученной переживаниями женщины.

— Действительно. Я как-то не подумала.

Мне в голову вдруг пришла интересная мысль.

— Послушайте, Наталья Александровна, —

оживился я, — а ведь на ресепшн я видел монитор. В детском саду имеется видеонаблюдение?

Я выжидающе уставился на молодую женщину. Уж очень мне хотелось, вот так, с ходу, по записи с камер видеонаблюдения узнать имя похитителя драгоценностей. Но чудес на свете не бывает, что подтвердила Быстрова, заявив:

— Все не так просто, Игорь Степанович. Видеонаблюдение в самом деле есть, но у нас какая-то проблема с записывающим устройством. Я не очень разбираюсь в тонкостях дела, но запись почему-то иногда стирается. Вот и вчера стерлась, так что определить по записям с камер видеонаблюдения, кто именно входил в мой кабинет, нет возможности.

«Да уж, срубить легких денег не получится», — подумал я уныло и взглянул на часы. Было около девяти вечера. За окном уже смеркалось. Пора домой. Мне еще предстоял обратный путь на машине по ночному городу. В темноте я еще не ездил, страшновато как-то.

— Уже поздно, Наталья Александровна, — проговорил я, поднимаясь с дивана. — Сотрудников ваших, кроме охранника, на работе нет, проводить опрос не с кем. При искусственном освещении нужные детали тоже можно пропустить. Поэтому давайте договоримся так. Сегодня вечером я проанализирую полученные мной факты,

составлю план действий, а завтра с утра приеду к вам и займусь расследованием пропажи шкатулки с диадемой.

Молодая женщина поднялась следом за мной.

— Хорошо, — проговорила она, протягивая мне узкую ладошку. — Утром я вас буду ждать.

Я слегка пожал руку Быстровой.

— Я думаю, ваш персонал будет содействовать мне в поисках похищенных вещей?

— Разумеется, я предупрежу с утра всех сотрудников, чтобы они правдиво отвечали на все ваши вопросы.

«Насчет правдивости вопрос спорный, — усмехнулся я про себя. — Но, если будут хотя бы охотно отвечать, и на том спасибо».

— Еще один момент, Наталья Александровна! Вы понимаете, что за один день это дело раскрыть нельзя, — проговорил я и, дождавшись, когда Быстрова в знак подтверждения правоты моих слов кивнет, сказал: — А завтра должен приехать оценщик драгоценностей, которых, как известно, нет. Что будем делать?

Заведующая детским садом развела руками.

— Иного выхода, как отложить встречу с ювелиром, нет. Я позвоню ему завтра и скажу, что Сергей Николаевич попросил подождать несколько дней с оценкой драгоценностей.

Вопросов пока у меня больше не было.

— В таком случае до завтра, Наталья Александровна!

— До встречи, Игорь Степанович!

Засим я откланялся и вышел за двери.

Следствие

Могу похвастаться: вчера вечером я довольно лихо (в моем понятии) промчался по вечернему городу, причем ничем не отличался от других водителей — вовремя переключал ближний свет на дальний, вовремя останавливался на красный свет на светофорах, вовремя переключал скорость и не задерживал движение других транспортных средств. Правда, не обогнал ни одной машины, но ничего, Шумахер тоже не сразу стал автогонщиком суперкласса.

После ужина я долго лежал на диване и пялился в телевизор, абсолютно не воспринимая, что по нему показывают. Мои мысли крутились возле иного предмета, нежели экран телевизора, по которому бегали, кричали, взрывали и палили из всех видов оружия какие-то люди из очередного голливудского боевика, — я думал о задании Быстровой.

Когда я вчера говорил с заведующей детским садом, что мне нужно проанализировать факты и составить план действий, я несколько не

кокетничал и не набивал себе цену. Я на самом деле мужчина вдумчивый, склонный к аналитическому мышлению, потому-то, наверное, у меня и получается разгадывать криминального рода загадки и выпутываться из сложных ситуаций. Это действительно так, раз пусть и небольшая, но слава обо мне дошла до заведующей детским садом. И план действий я составляю. Не на бумаге, конечно, а в уме. Сопоставляю полученные факты, по несколько раз прокручиваю в голове варианты возможных ситуаций, а потому иной раз наперед знаю, как поступить в том или ином случае. Вот и в этот раз я лежал на диване, смотрел в телевизор, а сам раскладывал в голове все по полочкам, прикидывал, как и с чего начну на следующий день свое расследование. Часикам к двенадцати ночи я уже знал, что сделаю первым, а что вторым делом, когда снова приду в детский сад. Деньги, выданные мне Быстровой, я на всякий случай решил пока не тратить, мало ли что — вдруг не сумею разгадать тайну исчезновения шкатулки и диадемы, тогда как человек порядочный я верну аванс.

Напряжение сегодняшнего дня сказывалось — это и тренировки, и беседа с Быстровой, и главное — утомительная для новичка езда на автомобиле. Мысли стали путаться, глаза — слипаться, по телу разлилась истома. Я не стал противиться объятиям Морфея, с помощью пульта дистанционного

управления выключил телевизор и уснул здесь же в гостиной на диване.

...Хотя занятий в первой половине дня у меня не было, утром я встал ни свет ни заря, дела, понимаешь ли. После серии стандартных для меня действия и процедур, включающих в себя зарядку, бритье, душ и завтрак, вышел из дома.

Что правда, то правда. Я оставил ее слова без ответа.

К девяти часам я прибыл в детский сад. Персонал наверняка был уже на местах, а родители со своими чадами еще шли. В вестибюле и тех и других встречал, заложив руки за спину и широко расставив ноги, охранник-шериф.

— Хелло, сэр! — сказал я, пожимая ему руку. — Наталья Александровна уже на ранчо?

Охранник, выпятив нижнюю губу, с достоинством пожал мою руку и степенно ответил:

— Подождите ее тут. Заведующая ходит где-то по зданию. Скоро должна появиться.

Зажрался шериф, а ведь наверняка ему было приказано заведующей содействовать мне во всех моих начинаниях. Пора поставить на место.

— Слушай, ковбой! — изрек я строго, глядя сверху вниз на низкорослого охранника. — Потрудись-ка позвать мне заведующую, это в ее да и в твоих интересах тоже. Седло, вернее, стул под тобой давно не качался? Работать на этом месте не

надоело?

Губа у шерифа, из крайнего переднего положения переместилась в крайнее заднее, то есть из выпяченной, стала поджатой. Обиделся мужик, да и черт с ним — некогда мне деликатничать, дела нужно делать, да еще после обеда на тренировку успеть. Мужик хоть и неохотно, но все же взял телефонную трубку и позвонил Быстровой. «Надо бы номер мобильного у заведующей взять», — подумал я, направляясь к противоположной стене вестибюля.

Глядя на малышей, которых то и дело приводили родители, я загрустил. Вспомнилось, как я вот так же приводил своего сына в сад. Жаль, что мы с моей бывшей женой Инной разошлись. Не такой уж я плохой отец, каким она меня считала. Сколько сыну-то сейчас? Я прикинул — получалось двенадцать лет. Большой уже.

Вскоре в вестибюль впорхнула Быстрова. На ней сегодня было легкое платье, поверх которого накинут халат — как-никак, детское дошкольное учреждение, положено носить, — стройные ноги красиво облегают туфельки на высоком каблучке. На милостивом личике нет и следа вчерашних переживаний — легкий макияж, ласковая улыбка, озорной взгляд больших глаз. Заведующая детским садом не выглядела убитой, как вчера, наоборот, она казалась какой-то окрыленной, полной

радужных надежд, очевидно, подобные чувства вселял в нее я, вернее, мой образ человека, способного помочь ей избавиться от навалившихся вдруг проблем.

— Доброе утро, Игорь Степанович! — проговорила Быстрова, протягивая мне для пожатия руку. — Вы как раз вовремя. Я только что освободилась и могу уделить вам немного времени. С чего начнем?

Я, как и вчера, слегка пожал ладошку молодой женщины и проговорил:

— Здравствуйте, Наталья Александровна. Рад вас видеть. А начнем с того, что вы мне дадите свой номер сотового телефона, чтобы я мог с вами напрямую связываться, а не вызывать через охранника.

— Не вопрос, Игорь Степанович, записывайте...

Быстрова продиктовала номер, а я ввел его в память своего мобильного.

— А теперь, — проговорил я, пряча сотовый телефон в карман, — давайте-ка мы с вами восстановим ход событий вчерашнего дня начиная с того самого момента, когда в детский сад приехал Сергей Николаевич.

— Я думаю, начать следует раньше, — кивком здороваясь с припозднившимся родителем, приведшим девчущку в детсад, проговорила

Быстрова. — С того момента, как к нам приехали артисты. А то будет непонятно, почему наша конфиденциальная с Сергеем Николаевичем беседа проходила вне стен моего кабинета.

— Тогда не будем мелочиться и начнем сразу с того мгновения, как вы утром ступили в стены вверенного вам детского учреждения, — предложил я шутливо. — А то будет непонятно чем вы занимались до того, как приехали артисты.

Наталья Александровна приняла шутку, кокетливо улыбнулась.

— Пусть будет так. А пришла я на работу в половине девятого. Взяла на охране ключи, прошла в свой кабинет, включила компьютер, проверила электронную почту. Сейчас вал всевозможных документов, приходится ежедневно с ними работать. Ответила на пару писем, затем отправилась в столовую проверить работу поваров. Сами понимаете, у нас маленькие дети, контроль над продуктами нужен особый. В девять десять мне на мобильник позвонил охранник, сообщил, что приехали артисты. Я вышла в вестибюль, чтобы определить комнату под гримерную и показать актовый зал. Обычно подобными делами занимается завхоз, но, поскольку она, как я вам уже говорила, с утра уехала по делам, роль распорядителя взяла на себя я. Под гримерную я выделила вот эту комнату. — Заведующая детским

садом указала рукой на дверь, расположенную рядом с дверью в ее кабинет. — Потом повела артистов в актальный зал.

— Давайте-ка и мы пройдем тем же путем, что и вы вчера, — предложил я.

— Как вам угодно, — не стала возражать заведующая детским садом, повернулась и, цокая каблучками, направилась в самый конец вестибюля. — Вот здесь, — указала она на дверь в стене, расположенной справа от ее кабинета и гримерной, — находится вход на сцену. Но мы давайте войдем в актальный зал через главный вход.

Мы прошли в угол вестибюля и направились по длинному узкому коридору, ограниченному с одной стороны глухой стеной с двухстворчатой дверью посередине, с другой — от пола до потолка — окнами с видом на детские беседки. По аллейке какая-то мамаша тащила за руку упиравшегося карапуза. Ему явно не хотелось идти в детский сад.

— Ох уж эти родители, — заметив маму с сыном, покачала головой Быстрова. — Все тянутся и тянутся. — Она повернула ко мне голову, отчего ее длинные светлые волосы заскользили по плечам, и пояснила: — В хорошую погоду воспитатели принимают детей на улице, чтобы родители не таскали лишнюю грязь в здание. Прошло уже полчаса, как детей завели в здание, и уже начался завтрак, а родители все детей ведут и ведут.

— Мне бы сейчас на место этого малыша, — кивнул я в сторону воюющей на аллейке парочки. — Ни забот, ни тревог. Позавтракал в садике, и в кроватку!

— Да уж, — усмехнулась молодая женщина. — Я бы тоже не отказалась вернуться в то далекое детство, когда мне дарили куклы, а не давали на хранение шкатулки с диадемами.

Миновав двустворчатые двери, мы оказались в довольно-таки просторном прямоугольном, залитом солнечным светом помещении. Слева находилась сцена с большущим экраном с электроприводом. В настоящий момент экран был свернут. У сцены к потолку прикреплен кронштейн, на нем установлен мультимедийный проектор. В верхнем углу рядом со сценой — камера видеонаблюдения. На полу постелены ковры, на них в беспорядке стоят детские стульчики, рассчитанные на детей разных возрастов.

— Здесь специально не наводили порядок, — останавливаясь в центре зала, проговорила Быстрова. — Я распорядилась, чтобы все оставалось на своих местах до тех пор, пока вы не осмотрите нужные вам помещения.

Я молча осматривался, но вдруг спохватился, вспомнив о взятой на себя роли галантного воспитанного человека.

— Вы очень любезны, Наталья

Александровна! Но что же было дальше?

Заведующая детским садом наверняка уже не раз мысленно восстанавливала ход произошедших вчера событий, поэтому отвечала на мои вопросы не задумываясь.

— Оставив артистов осваиваться в гримерной и актовом зале, я пошла в среднюю группу. К нам в сад поступил новый мальчик, и нужно было его устроить в группу. Потом посидела там же в группе на занятиях. Примерно в девять сорок я вернулась в актовый зал, чтобы посмотреть, как идут дела у артистов. В зале было пусто, но аппаратура оказалась подключенной, на сцене уже стояла кое-какая декорация к спектаклю. В этот момент в зал вошел Сергей Николаевич. Очевидно, охранник ему сказал, где я нахожусь, вот он и отыскал меня. Варламов принес пакет. Он закрыл дверь на ключ и стал объяснять, что мне следует сделать. Потом достал из пакета коробку со шкатулкой...

— Извините, Наталья Александровна, — перебил я молодую женщину. — Не могли бы вы мне показать, в каком именно месте проходил ваш разговор с заместителем мэра.

Заведующая детским садом переместилась с середины актового зала ближе к правому углу сцены и огляделась по сторонам, пытаясь поточнее определить нужное ей местоположение.

— Вот здесь примерно.

Я вновь приблизился к Быстровой на расстояние полутора шагов.

— Дальше, пожалуйста.

Наталья Александровна ненадолго задумалась, вспоминая, что произошло вчера утром, о чем свидетельствовали собравшиеся на ее чистом челе морщинки.

— Сергей Николаевич достал из пакета коробку, поставил ее вот сюда на сцену, — чуть нараспев, как человек, припоминающий что-то, проговорила Быстрова и указала на край сцены, у которой мы в этот момент стояли. — Потом он раскрыл коробку, она, знаете, такая, типа обувной, достал из нее шкатулку. Футляр для диадемы сделан под старину, но в него встроен современный цифровой замочек. Сергей Николаевич показал мне, как он открывается. Вытащил из шкатулки диадему. О, это была изумительная вещь, — с какой-то завистью и восхищением воскликнула заведующая детским садом. — Такая диадема может украсить голову любой принцессы...

Быстрова, видимо, хотела описать, какая именно это была обалденная вещь, но, видя перед собой непроницаемое лицо спортсмена, неспособного оценить всю красоту ювелирного украшения, махнула рукой:

— В общем, Сергей Николаевич очень торопился. Он в обратном порядке сложил

драгоценности в коробку, сунул ее в пакет и отдал мне. Вдвоем мы вышли из зала и направились в вестибюль. У выхода из здания расстались. Варламов умчался готовиться к поездке в Германию, а я отправилась в свой кабинет.

— Давайте и мы переместимся в ваши апартаменты, — предложил я.

Заведующая детским садом, ни слова не говоря, повернулась и двинулась к выходу из зала. Я отправился следом. Мы покинули актовый зал, прошли по вестибюлю и свернули в кабинет Быстровой.

— Когда я вошла к себе, — продолжила свой рассказ Наталья Александровна уже непосредственно на месте событий, — то поставила коробку с драгоценностями вот сюда. — Она указала на край стола для совещаний, приставленного к ее рабочему столу. — В этот момент ко мне в кабинет и заглянула медсестра и объявила, что у мальчика открылась рвота и необходимо решить, что делать. Оставив коробку на столе, я закрыла кабинет на ключ и вместе с медсестрой отправилась в группу к заболевшему мальчику. В это время как раз воспитатели стали приводить детей в актовый зал. Как я уже говорила, малыш на самом деле был сильно болен. Я распорядилась, чтобы воспитатель вызвала его родителей, а сама повела группу заболевшего

мальчика на спектакль. То, что у меня на столе лежит коробка с драгоценностями, совершенно вылетело из моей головы. Вспомнила о ней только к концу спектакля и отправилась в свой кабинет. Пакет с коробкой стоял на своем месте. Заглядывать в него я не стала и сразу поставила в сейф.

«Что-то давненько я помалкиваю и не задаю вопросов, — подумал я, прохаживаясь по кабинету. — Решит еще, что я некомпетентный человек!»

— В каком часу началось представление? — изрек я с видом мыслителя.

— Ровно в десять часов, как и было обговорено с артистами, — ответила заведующая, подходя к сейфу, вмонтированному в стену.

— А сколько оно длилось?

Быстрова, поколдовав над сейфом, открыла его.

— Примерно час, — проговорила она, вытаскивая из сейфа белый пластиковый пакет.

— Значит, вы ушли из зала примерно в десять часов пятьдесят минут? — сделал я весьма глубокомысленное умозаключение.

— Да, именно в это время, — подтвердила Наталья Александровна, ставя пакет на стол.

Я сел за стол заведующей, взял ручку, листок бумаги и набросал несколько цифр.

— Итак, что мы имеем, — проговорил я, располагая на столе листок так, чтобы свет из находившегося за моей спиной окна падал на бумагу. — В девять десять приехали артисты. В девять сорок прибыл Варламов и отдал вам драгоценности. В девять сорок пять вы поставили пакет со шкатулкой и диадемой на стол в своем кабинете. В десять ноль-ноль начался спектакль. В десять пятьдесят вы спохватились, вспомнили об оставшихся у вас на столе драгоценностях, отправились в свой кабинет и переставили пакет со шкатулкой в сейф... Все верно?

Секунду поразмышляв над тем, правильно ли я составил хронологию событий, Быстрова ответила:

— Вроде все так.

Я кивнул на пакет.

— Из сейфа никто не мог взять шкатулку?

Наталья Александровна активно покрутила головой.

— Нет, это исключено. Замок на сейфе цифровой. Код знаю только я. — Молодая женщина вдруг задумалась. После паузы проговорила: — А вы знаете, когда я ставила пакет в сейф, мне показалось, что он стал тяжелее. — Она вдруг заломила руки и с досадой воскликнула: — Ах, и почему я сразу не заглянула в пакет!

«Действительно, если бы сразу обнаружила

пропажу, возможно, не было бы таких печальных последствий. Подняла бы крик, перекрыли бы все входы и по горячим следам нашли драгоценности. Ведь шкатулка не коробка спичек, в карман не спрячешь. Наверняка вор на время припрятал ее где-нибудь, а потом вынес из детского сада», — подумал я, а вслух проговорил:

— Раз в сейф никто влезть не мог, а пропажу вы обнаружили после того, как вытащили из него пакет, вывод напрашивается один: шкатулку подменили раньше. А именно в промежуток времени с того момента, как вы оставили после встречи с Варламовым пакет у себя на столе, и до того момента, как вернулись в кабинет, чтобы убрать шкатулку в сейф. — Я заглянул в свой листок с записями. — Иначе говоря, от девяти сорока пяти до десяти пятидесяти.

— На самом деле так получается, — неуверенно проговорила Наталья Александровна. — Хотя, знаете, я думаю, что кража произошла во время спектакля. — Соображая, она постучала указательным пальцем по своей щеке. — Это было бы логично, потому что перед спектаклем в вестибюле было много народу, да и я могла в любой момент войти в кабинет и застать вора там. Так что, скорее всего, преступник дождался, когда все рассядутся в зале, и в спокойной обстановке утащил шкатулку.

В умении мыслить здраво Быстровой трудно отказать. И я согласился:

— Принимаю! Итак, будем считать, что кража произошла от десяти часов до десяти пятидесяти. — Я издал невеселый смешок. — Осталось теперь узнать, кто и что в это время делал, и тогда мы точно вычислим преступника.

— Было бы здорово, — хмыкнула заведующая детским садом и собралась было вытащить из пакета коробку, но я остановил ее жестом.

— Погодите, Наталья Александровна, с вещдоками! Давайте вначале определимся с количеством подозреваемых. Перечислите людей, работающих в вашем детском садике. Разумеется, только тех, кто вчера был на рабочем месте.

Молодая женщина, теребившая нервными пальцами пакет, оставила, наконец, его в покое и села за стол совещаний. Вот такой расклад мест во время беседы с Быстровой меня устраивал — я за столом заведующей, вроде как начальник, она за столом совещаний — как бы в роли подчиненной. При таком распределении посадочных мест я чувствовал себя хозяином положения и мог диктовать условия.

— Сантехника, электрика вчера не было, — разговаривая сама с собой, забубнила заведующая детским садом. — Они у нас на полставки и приходят только в случае необходимости. Рабочий

по зданию в отпуске. Завхоз уехала по делам. Уборщицы приходят к половине двенадцатого, у логопеда методдень... — Она подняла глаза и уже громче проговорила: — У нас сто двадцать детей. Надеюсь, мы не будем подозревать их в краже драгоценностей?

Я непроизвольно хохотнул:

— Если мы с вами будем проверять еще и алиби детишек — кто из них во время кражи сидел на горшке, а кто играл с куклой или машинкой, — нам с вами жизни не хватит. Нет, Наталья Александровна, ваши дети вне подозрений. Додуматься до кражи драгоценностей мог только взрослый человек.

Заведующая детским садом откинула рукой челку и проговорила:

— В таком случае записывайте. У нас в садике шесть групп, в каждой группе по одному воспитателю и по одной нянечке — это двенадцать человек. Медсестра — тринадцать, три работника столовой — шестнадцать, я — семнадцать, охранник — восемнадцать... — Быстрова закатила глаза к потолку, что-то, видимо, высчитывая в уме, потом взглянула на меня. — Все...

— Вы забыли включить сюда артистов, — подсказал я.

— Отнюдь, — покачала головой молодая женщина. — Просто вначале я определилась со

своими работниками, а теперь собираюсь перейти к бригаде из кукольного театра. Их было четыре человека — один водитель, он же ответственный, как я поняла, за техническую поддержку — свет, звук, компьютер, и три артиста, вернее, две артистки и один артист.

Я сделал пометку на своем листке бумаги.

— Вместе с вашим персоналом всего двадцать два, — изрек я мрачно. — Не так уж и мало подозреваемых. Давайте-ка попробуем сократить их число.

Молодая женщина сложила на столе руки, словно прилежная воспитанница детского сада, слушающая воспитателя.

— Буду рада помочь.

— Если мы с вами решили, что шкатулка была похищена в период между десятью часами и десятью часами пятьюдесятью минутами, то есть во время спектакля, то не припомните ли вы, выходил ли кто-либо в это время из актового зала?

— Хм, вопрос интересный. — Заведующая детским садом набрала полную грудь воздуха и, слегка надув щеки, медленно выпустила его, будто штангист, стравливающий воздух, перед тем как толкнуть штангу от груди. — Сразу так и не вспомню, но выходили раза три и воспитатель, и нянечки. Хотя перед такими мероприятиями мы водим, простите за интимные подробности,

детишек в туалет, но сами понимаете, у нас маленькие дети, и то одному приспичит, то другому. Вот и выводили детей.

Я махнул рукой.

— Те, кто выходил с детьми, меня не интересуют. Вряд ли преступник, держа малыша под мышкой, мог пробраться в ваш кабинет, стащить драгоценности и подложить вместо них кирпич.

— Но почему же?! — возразила заведующая детским садом. — Можно оставить ребенка на несколько минут на горшке, а самой ненадолго отлучиться.

— Логично, — вынужден был согласиться я. — В таком случае кто выходил, не припомните?

— Отлично помню, что нянечка Таня Самсонова выводила ребенка, потом воспитатель Ирина Владимировна Никитина выходила на минутку поговорить по телефону — зазвонил ее мобильник, еще кто-то, но кто именно, не могу вспомнить. Впрочем, можно поспрашивать у воспитателей и нянечек, наверняка они знают, ведь кто-то с кем-то рядом сидел во время спектакля.

— Мы это непременно выясним, — пообещал я. — А в какое время выходили, наверняка не припомните?

Быстрова очень хотела мне помочь, но, сколько ни напрягала память, вспомнить не смогла.

Да если бы она помнила столько мелочей, то я бы засомневался в искренности ее слов.

— Нет, не припоминаю, — проговорила она виновато. — Но путем опроса присутствовавшего на спектакле персонала это тоже наверняка можно выяснить.

«Конечно, можно, только сколько уйдет времени!» — усмехнулся я про себя и выдал многообещающую улыбку.

— Конечно, опросим. Скажите, Наталья Александровна, а где были медсестра и воспитатель заболевшего мальчика?

— Воспитателя зовут Диана Андреевна, — сообщила Быстрова. — Она вместе с медсестрой Мариной Мальковой находились рядом с мальчиком до тех пор, пока не приехала бабушка малыша и не забрала его. Потом обе пришли на спектакль.

— Во сколько?

— Примерно в двадцать минут одиннадцатого.

— Вдвоем или поодиночке?

— Отдельно.

— Значит, и они могли по пути к актовому залу забраться в ваш кабинет?

— Могли, — уныло ответила молодая женщина, очевидно, осознав, какой объем работы предстоит проверить, прежде чем удастся

вычислить преступника. Если еще удастся...

Я взялся за ручку и стал переправлять в листке бумаги кое-какие цифры, по ходу подсчитывая.

— Разберемся сначала с воспитателями и нянечками. Две нянечки выводили во время спектакля детей в туалет. Одна воспитатель выходила позвонить. Другая — оставалась с медсестрой и малышом, но она одна пришла в актовый зал и по дороге могла совершить преступление. Получается, из двенадцати воспитателей и нянечек четверо могли украсть из вашего кабинета драгоценности. Соответственно, восемь вне подозрений. Вычеркиваем их из числа потенциальных преступников. Двадцать два минус восемь остается четырнадцать. Медсестру Марину Малькову мы оставляем в списке, так как она, как и воспитатель заболевшего мальчика, Диана Андреевна, одна пришла в актовый зал и тоже по дороге могла забрести в ваш кабинет. А вот вас можно вычеркнуть — было бы глупо подозревать вас в том, что вы сами у себя украли шкатулку с диадемой, а потом на свои же деньги наняли сыщика отыскать ее.

— Спасибо, — с иронией, как человек, не желающий подавать виду, что задет тем, что ее могли хоть в чем-то заподозрить, поблагодарила Быстрова.

Я пропустил замечание заведующей детским садом мимо ушей — пусть обижается, на обиженных воду возят.

— Остается тринадцать, — изрек я, закончив подсчеты, — два воспитателя, две нянечки, медсестра, бригада артистов из четырех человек, охранник и три работника столовой. Ну, а теперь, — я кивнул на пакет, стоявший на столе, — показывайте свои вещдоки.

Наталья Александровна поднялась и молча, с каким-то удрученным видом достала из пакета коробку, на самом деле напоминающую обувную, только не такую высокую. Она поставила ее на стол, сняла крышку и вынула из упаковки самую банальную половинку кирпича. Наискосок она оказалась побелена известкой, а нижняя часть была испачкана землей. До того нелепой казалась эта перепачканная известкой и землей половинка кирпича в этом кабинете в руках заведующей детским садом, что я, боясь оскорбить своего работодателя, еле сдержал смех. Несомненно, в ее ухоженных белых ручках диадема смотрелась бы намного эффектней.

Очевидно, кирпич, вновь оказавшийся в руках Быстровой, всколыхнул в ней пласт негативных воспоминаний, напомнил о возникших в связи с появлением на месте шкатулки с диадемой брутального куса строительного материала

проблемах, отчего она помрачнела. Да тут еще я подлил масла в огонь.

— Да-а, лоханули вас здорово, — пробормотал я. — Вы положите кирпич на стол... Ну, куда же вы, Наталья Александровна! — Я всплеснул руками. — Не в прямом смысле на полированную поверхность стола, а на крышку коробки, что ли... или лучше вот сюда. — Я вскочил с места и придвинул к вконец расстроенной заведующей детским садом чистый листок бумаги.

Со стуком «бум» кирпич опустился на стол. Наверняка никогда еще на столе заведующей не было подобного украшения.

— Вы бы занялись пока своими делами, — посоветовал я Быстровой, не знавшей, что ей дальше делать: сесть или уйти. — А я пока осмотрюсь в вашем кабинете.

Молодая женщина восприняла мои слова как команду покинуть кабинет. Она молча развернулась, процокала каблучками к двери и исчезла за нею.

Оставшись один, я достал лупу, прихваченную из дому, и с ее помощью принялся осматривать петли двери, место, где она прилегает к косяку, и замок, вначале с внутренней стороны, а затем с наружной. Вид у меня при этом был весьма

умный, вылитый Шерлок Холмс за работой. Охранник-шериф, сидя за своим столиком, угрюмо исподлобья следил за моими манипуляциями, но не приближался и не заговаривал. Чем-то не нравился я ему.

Как и следовало ожидать, в лупу я ни черта не увидел — не было на двери и замке ни царапин, ни вмятин, ни каких-либо иных следов. Хотя, как говорят, отсутствие результата и есть результат. Раз следов взлома нет, значит, двери варварски никто не вскрывал. Но ведь это видно и невооруженным глазом — дверь и замок целехоньки, словно только что установлены, — зачем же мне тогда потребовалась лупа? Для солидности, наверное.

Я шмыгнул в кабинет заведующей и прикрыл за собой дверь. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться — раз дверь не взламывали, значит, ее открыли ключом либо в нее вообще не входили. Поскольку Наталья Александровна уверяет, что ключ от кабинета никому не давала, а у охранника дубликата нет, то следует предположить второе. Ну а раз входная дверь как место проникновения преступника в кабинет исключается, то напрашивается простой вывод — в помещение попали иным способом. Ну, и как же преступник пробрался в кабинет?.. В потолке дыры нет, пол целый, подкоп никто не устраивал. Остается окно, расположенное на противоположной

стороне кабинета. Я прошел между шкафами у стены и столом для совещаний, обогнул рабочий стол заведующей, приблизился к окну и распахнул шторы. Ба! Да здесь еще и балконная дверь, правда, самого балкона нет — первый этаж как-никак. Короче, все условия для преступника, собирающегося залезть в кабинет заведующей детским садом и спереть шкатулку с драгоценностями.

Я внимательнее оглядел место возможного проникновения преступника в кабинет Быстровой. Окно двустворчатое, одна створка широкая, другая — узенькая, между ними оконный переплет. Дверь неширокая со стеклами до нижнего уровня окна, надежно запирается изнутри с помощью ручки. Я повернул ручку, потянул дверь на себя и вышел во внутренний дворик.

Что ж, я на верном пути. Вот и место, откуда была взята половинка кирпича. Вдоль стены здания, примерно метра на полтора от нее была проложена бетонная дорожка. Ее от шедшей дальше земли отделял вкопанный в землю по диагонали ряд кирпичей, побеленных сверху известкой. Кирпичи торчали одним углом вверх, образуя зубья, и рядом с дверью одного «зуба» не хватало.

Я принялся осматривать дверь и окно с наружной стороны здания. Раз Быстрова не сказала мне, что «балконная» дверь была открыта после

ограбления, значит, она была закрыта. А вот окно? Сейчас оно тоже закрыто, но при ближайшем рассмотрении — вот когда по-настоящему понадобилась лупа! — я заметил на узкой половинке окна в том месте, где находится язычок ручки, маленькую щель. По-видимому, до детского сада щедроты Департамента образования, на чьем балансе находится заведение, дошли лишь отчасти, потому ремонт в детском саду был проведен частично — с фасадной стороны и внутри здания. Снаружи же со стороны внутреннего дворика, как были старые еще советские деревянные окна и двери, так те и остались. И вот дерево рассохлось, и образовалась щель. В нее просматривался язычок замка.

Я вошел в кабинет заведующей, взял с ее стола нож для резки бумаги и вновь вышел во дворик. Сунув тонкое узкое лезвие в щель окна, я провел ножом сверху вниз. Ручка оказалась разболтанной, и язычок, легко поддавшись моим усилиям, ушел вниз. Я легонько надавил на окно, и оно приоткрылось. Теперь осталось только сунуть руку в окно, повернуть с внутренней стороны двери ручку — и вход в кабинет заведующей детским садом свободен.

Восстановим, как принято говорить у сыщиков, картину происшествия. Преступник вышел через такую же, как и у заведующей,

«балконную» дверь, находящуюся со стороны внутреннего двора, слева от кабинета Быстровой, где была «гримерка», или... Я подошел к двери справа все от того же кабинета Натальи Александровны и глянул сквозь стекло. За ним находился тамбур, соединенный с вестибюлем, очевидно, эта дверь являлась аварийным выходом в случае эвакуации из здания... Или вышел через эту дверь, а возможно, через какую иную, благо почти из каждого помещения, выходящего во внутренний дворик, имелась подобная «балконная» дверь. Видимо, при строительстве здания использовали стандартные для жилых домов панели, обычных с оконным окном оказалось меньше, чем с окном и балконной дверью, вот и понатыкали последние, где нужно и где не нужно... Так вот, выйдя через какую-либо дверь, преступник приблизился к кабинету заведующей детским садиком, вытащил из кармана нож и, точно так же, как я пару минут назад, открыл окно. Затем, просунув руку в помещение, повернул ручку двери. Для того чтобы заведующая не сразу обнаружила пропажу шкатулки с диадемой, не определила по весу, что коробка пуста, вор прихватил со двора кирпич, вернее, часть растрескавшегося и развалившегося от времени и непогоды кирпича. Потом он скользнул в открытую чуть ранее дверь в кабинет Быстровой. Что произошло дальше, понятно. В

кабинете заведующей детским садом вор подменил шкатулку с диадемой на половинку кирпича, вновь вышел во внутренний двор, закрыл дверь точно таким же способом, каким открыл ее, то есть через окно, и прикрыл само окно. Закрыть его с помощью ножа он вряд ли смог, да и не было смысла терять на это драгоценное время — преступнику нужно было побыстрее оказаться на своем рабочем месте, чтобы не вызвать подозрений своим долгим отсутствием. Нужно бы поинтересоваться у Натальи Александровны, было ли закрыто окно после того, как она обнаружила пропажу. Хотя, наверное, она не проверяла — не до окон ей в тот момент было. Но кто знает?

Через ту же дверь, через которую преступник вышел из здания, он в него вошел. Рассматривать вариант, что шкатулку с диадемой украл кто-то посторонний с улицы, не следует. Нельзя случайно, проходя по улице, залезть в детский сад, именно в кабинет заведующей, случайно прихватить по дороге во дворике половинку кирпича и, опять-таки случайно, взять в здании самую дорогостоящую вещь, подменив ее на кирпич. Не экстрасенс же вор, видящий сквозь стены. Человек, влезший в кабинет Быстровой, знал, что там драгоценности, и шел к ним целенаправленно. Вот только кому было известно о том, что Варламов привез своей возлюбленной драгоценности? Это пока загадка.

Впрочем, ювелир, который должен был оценить драгоценности, мог прийти сюда или послать кого-нибудь, чтобы украсть шкатулку с диадемой. Стоп, стоп, стоп! Так можно весь город в преступники записать. Нужно все же исходить из того, что вор из числа тех, кто вчера утром находился в детском саду, и придерживаться в плане расследования этой линии. Ювелир не такой дурак, чтобы лезть в детский сад, рисковать своей жизнью. Он же понимает, что сильные мира сего запросто могут взять его в оборот и вывести на чистую воду.

Но кто же, черт возьми, из тринадцати человек влез в кабинет заведующей детским садом? Неужели его никто не видел? Я встал в дверях кабинета и окинул зорким взглядом внутренний дворик. Как я уже подметил, здание было двухэтажным, П-образным. Я стоял в дверях его внутреннего левого крыла, и с моего места его первый этаж правого крыла плохо просматривался — мешали невысокие деревца, детская горка, еще какие-то сооружения детской площадки. А вот второй этаж... Пожалуй, со второго этажа, вон из тех окон, что располагаются в середине длинной правой палочки буквы П-образного здания, кое-что увидеть можно. Вон там и белые халаты и колпаки мелькают. Наверняка там кухня, или, говоря казенным языком — пищеблок. А повара на

кукольный спектакль не ходили. Вероятность того, что кто-то из них видел преступника в момент кражи, мала, но она все же есть. А раз есть, ее нужно проверить или использовать, уж и не знаю какой оборот речи в этом случае можно применить.

Весь внутренний периметр буквы «П» (это я о здании) опоясывал балкон, на который выходили, и в этом случае уместно, пресловутые балконные двери. С обоих крыльев здания к балкону подходили пожарные лестницы с крутыми ступеньками. Балкон от лестницы отделяли сваренные из железных прутьев двери. Но разве они помеха для спортсмена, который еще относительно молод и находится в отличной спортивной форме? Я взбежал по ближней от меня лестнице вверх, легко перемахнул перила сбоку от двери и оказался на балконе. Спокойно пошел по длинному балкону. За окнами располагались комнаты детских групп. Были видны кровати спальных помещений, игровые комнаты, для детей постарше классы для занятий, там стояли маленькие парты. Завтрак у детишек уже кончился, и они развлекались, как могли — играли, занимались лепкой, что-то повторяли хором за воспитателем.

Я прошел по кругу балкона и приблизился к окну в столовую, глянул от окна вниз. Действительно, с этой точки отлично была видна

дверь заведующей детским садом. Я повернулся, посмотрел в окно. За ним у плит и раковин с посудой хозяйничали три женщины в халатах и белых колпаках. За раздаточным окном просматривалась сама столовая со стоящими в ней столиками. Неожиданно одна из поварих обернулась и, увидев меня, отпрянула и перекрестилась. Обернулись и две другие работницы детской столовки. Они тоже испугались появившегося в окне незнакомца. Не такой уж я и страшный, каким, по-видимому, им показался. Я состроил доброжелательную физиономию, растянул до ушей рот и помахал рукой. Ку-ку, девочки! Все в порядке! Дядя сыщик ищет среди вас воришку!

Чтобы не травмировать и дальше психику пугливых поварих, я отошел от окна и направился в конец балкона. Снова перемахнул перила, спрыгнул на лестницу и, спустившись по ней, вошел в кабинет Натальи Александровны. Половинка кирпича все еще лежала на столе. Я сунул ее в пакет, который с глаз долой убрал под стол. Усевшись на рабочее место заведующей детским садом, достал мобильник и набрал номер Быстровой.

— Алло! — раздался мелодичный голосок.

— Наталья Александровна, — проговорил я бодрым голосом (надо же всеялить в клиентку

уверенность, что у меня все в порядке и расследование продвигается споро и с положительным результатом). — Мне бы хотелось побеседовать с работницами столовой. Причем по отдельности. Можно это устроить?

— Можно, конечно, — откликнулась заведующая детским садом. — Сейчас я вам пришлю одну из них. Когда закончите с нею беседовать, придет другая.

— Было бы здорово, если бы работники столовой после разговора со мной не встречались с теми, с кем я еще не беседовал. Ну, вы понимаете, не нужно давать им возможности сговориться.

Времени на решение данного вопроса у заведующей детским садом ушло немного.

— Хорошо, — через пару секунд сказала она, — я под разными предлогами разведу их по разным частям здания.

Все бы выполняли вот так с ходу мои желания, тогда бы я был самым счастливым человеком на земле!

— Договорились. У меня к вам такой вопрос: не обратили ли вы внимание... после ограбления окно в вашем кабинете было закрыто?

— Честно говоря, не обратила. А вот дверь во дворик точно была закрыта. Я сразу к ней кинулась. — Заведующая как я уже упоминал, была сообразительной. — Вы думаете, — произнесла она

медленно, очевидно, формулируя свою мысль, — что преступник сумел открыть окно и потом, просунув в него руку, открыл дверь?

— Да, именно так я и думаю.

— А сейчас оно закрыто?

— Да.

Быстрова сделала паузу, необходимую ей для того, чтобы собраться с мыслями, потом заговорила:

— Когда я обнаружила пропажу, то сразу бросилась к двери во дворик, посчитала, что преступник через нее ушел, но она оказалась закрыта на защелку. А вот окно не догадалась посмотреть. Но если оно было открыто, то вечером его закрыли, либо уборщица, либо охранник.

— Это можно проверить, спросив у охранника и уборщицы. Я могу задать им по этому поводу вопрос?

— Разумеется.

— Все, спасибо, жду поваров, — проговорил я и нажал на кнопку отбоя связи.

Спустя минут десять в дверь постучали, и вошла первая повариха. Ею оказалась невысокая женщина лет под пятьдесят, та самая, что, увидев меня в окно столовой, испугалась и отпрянула. Одета все в тот же белый халат и поварской колпак. Губы пухлые, будто вывернуты наизнанку. Голова крупная, нижняя часть лица, включая нос, вытянута

вперед, глаза раскосые, густые брови, узкий лоб. Всем своим обликом повариха напоминала гротескную старуху Шапокляк, как если бы это была кукла из тех, что надевают на себя расхаживающие по улицам зазывалы в кафе и рестораны, спамеры и прочий люд, рекламирующий всякого рода товар.

— Здравствуйте, — проговорила женщина противным писклявым голосом.

Нет, рекламировать какой-либо товар я бы ей не доверил — всех потенциальных покупателей таким голосом распугает.

— День добрый! Проходите, садитесь, — предложил я, хотя повариха и без моего приглашения уже по-хозяйски отодвинула от стола заседаний стул и села не него. — Меня зовут Игорь Степанович. А вас как?

— Анастасия Викторовна, — назвалась повариха и вытерла всей пятерней мокрое лицо. Очевидно, в кухне было жарковато, и женщина взопрела. — Что же вы, Игорь Степанович, пугаете женщин, — заныла она. — Я думала, вор какой к нам залез. А то тут у нас в последнее время воришка завелся. Вон у Натальи Александровны что-то украли.

— Извините, я не хотел вас пугать, — смутился я и удивленно спросил: — А вы разве не знаете, что именно украли в детском саду?

— Не знаю, — тоном причитающей старухи, проговорила Анастасия Викторовна. — Заведующая сказала нам, будто украли ценные вещи, а какие именно, не сообщила.

«В общем-то, правильно, что Быстрова не распространяется насчет предметов, украденных из кабинета, и их стоимости, — отметил я про себя. — Чем меньше людей будут знать об этом, тем меньше будет кривотолков, да и Варламова от слухов Наталья Александровна оградит».

— У меня к вам несколько вопросов, Анастасия Викторовна, — проговорил я, не зная, как перейти к главной части нашей беседы. — Но вы вправе не отвечать на них. Я не следователь, а частное лицо и не имею права вас допрашивать. А вопросы у меня есть каверзные.

— А-а, спрашивайте, о чем хотите, — беспечным тоном пропищала повариха. — Я женщина честная, мне скрывать нечего, отвечу на все интересующие вас вопросы. Это во-первых, а во-вторых, Наталья Александровна сказала, чтобы мы все говорили с вами откровенно, без гонору. А она у нас заведующая, женщина строгая, в коллективе царь и бог, так что прикажет кукарекать, будем кукарекать.

— Правда? — произнес я, весьма довольный такой постановкой вопроса. — Тогда беседа у нас получится. Что ж, начнем?

Повариха сделала игривое движение бровями:

— Я вас внимательно слушаю.

— Скажите, пожалуйста, — произнес я чарующим голосом. — Вчера утром выходил кто-нибудь из поваров между десятью часами и десятью часами пятьюдесятью минутами из кухни на улицу?

Женщина замахала руками так, что ее висюльки-сережки в слегка оттянутых долгим ношением украшений мочках запрыгали.

— Что вы, что вы! — воскликнула она. — Нам не до прогулок. У нас с половины девятого до половины десятого утра в детском саду завтрак. Мы по очереди кормим детские группы. Потом убираем, моем посуду и готовимся к обеду. Нет времени даже присесть, не то что выйти.

— А вы подумайте, — стал настаивать я сладким голосом демона-искусителя, пытающегося заполучить душу смертной. — Вдруг кто-то из вас троих вышел на пару минут, скажем, в туалет или покурить, а вы просто забыли...

Не хотела повариха продавать свою душу дьяволу и скрестила руки на груди, что наверняка означало: путь в душу закрыт.

— Мы не курим, это раз. Я старшая столовой, и никто без моего ведома не может покинуть не только столовую, а даже кухню, это два.

Нет, не даст мне повариха шанс подозревать

кого-либо из работников кухни в воровстве драгоценностей из кабинета Быстровой.

— Строгая у вас дисциплина, — посетовал я. — Не сачканешь. Тогда перейдем ко второй части нашей беседы. Вспомните, пожалуйста, в то же самое время, с десяти часов до десяти часов пятидесяти минут никто из вас случайно не подходил к окну и не видел во внутреннем дворике человека, входящего в дверь кабинета заведующей детским садом.

Анастасия Викторовна была из тех женщин, кто никогда и ни в чем не сомневается.

— Нет-нет-нет-нет! — закрутила она головой так, что сережки-висюльки в ее ушах завертелись с бешеной скоростью. — Никто не подходил и ничего не видел.

— Вы, возможно, и не подходили, — упорствовал я. — Но, может быть, подходил кто-то из ваших подчиненных?

— Я же вам говорю, — неожиданно надув и без того пухлые губы, пропищала женщина, — никто ничего не видел. Мне бы сказали.

Беседа явно затягивалась и ничего нового не приносила. Все, пора прощаться.

— Спасибо, Анастасия Викторовна, вы мне здорово помогли, — соврал я с безрадостной улыбкой на лице. — До свидания.

Но повариха, видимо, не очень-то хотела вот

так быстро со мной расставаться. Оно и понятно, вроде передышка в ее работе образовалась, чего бы не поболтать с разрешения заведующей?

— И это все, о чем вы хотели со мной поговорить? — удивилась она.

— За милой беседой мы с вами провели не так уж и мало времени. — Я поднялся из-за стола, показывая тем самым, что аудиенция окончена. — Мне еще нужно побеседовать с вашими сослуживцами, так что извините.

Подчиняясь мне, женщина встала. Я проводил ее до выхода и закрыл дверь. Ох, и утомительная эта работа вести «допросы», лучше пару лишних тренировок с детьми провести, чем один «допрос». Но раз уж взялся, нужно довести дело до конца. Я достал мобильник и позвонил Быстровой.

— Наталья Александровна? Пригласите, пожалуйста, следующего работника столовой.

...Очередная повариха была тихая скромная смуглая девушка лет двадцати двух, двадцати трех. Ее чуть удлиненное с тонкими, я бы даже сказал, утонченными чертами лицо не мог испортить поварской колпак, а тоненькую хорошо сложенную фигурку — обезобразить даже бесформенный белый халат. На ногах балетки, и ходила она красиво, мягко, изящно ступая, словно балерина по сцене. Чего же она, такая молодая да красивая, поваром в детском саду работает? Задавать девушке

подобные вопросы я не решился, каждый в этом мире выбирает свой путь сам. Хотя, возможно, она студентка какого-нибудь вуза, временно подрабатывает на кухне, а может быть, студентка кулинарного техникума на практике. В общем, ее проблемы.

Беседа с поварихой продлилась минут пятнадцать и тоже ощутимых результатов не принесла. Девушка, которую звали Олесей, подтвердила слова Анастасии Викторовны — никто из троицы поваров в интересующее меня время кухню и столовую не покидал, к окну не приближался, никого, кто входил бы со стороны внутреннего дворика в кабинет заведующей, не видел. А жаль!

Беседа с третьей поварихой (или посудомойкой, я не стал вдаваться в подробности профессиональной принадлежности трех работниц столовой) — пухлой, разъевшейся, хочется думать, не на детских харчах, особой лет тридцати пяти, с двойным подбородком и расплывшимися, будто нарисованными на надувном шарике чертами лица — прошла с таким же успехом, что и с предыдущими двумя. То есть нулевым. Потратив на молодую женщину минут десять, я проводил ее до двери и попрощался.

Вернувшись к столу, сел в кресло заведующей. Как бы там ни было, беседа с

поварихами принесла свои хоть и хилые, но плоды. Троица работниц столовой утром от десяти часов до десяти часов пятидесяти минут свои рабочие места не покидала, а значит, к похищению драгоценностей отношения не имеет. Так что список подозреваемых можно сократить на три человека. Итого в нем осталось десять.

Но, черт возьми, целых десять подозреваемых!!! Как же я сумею отыскать среди них преступника? Это же невероятно сложно. Наверное, зря я взвалил на себя непосильную ношу — не разгадать мне загадку похищения шкатулки и диадемы Варламова, — стал отчаиваться я. — Какого хрена влез в это дело, сыщик недоразвитый?! Пока не поздно, нужно отказываться, возможно, Быстрова найдет более способного и удачливого в сыскном деле человека. И вот, когда я решил, что вычислить вора мне не удастся, и собирался сообщить об этом Наталье Александровне и поехать домой за задатком, с целью вернуть его, дверь в кабинет неожиданно приоткрылась, и в нее заглянула Олеся.

— Извините, — сказала она тихим грудным голосом. — Я кое-что вспомнила.

О, как я тут подскочил да бросился к девице, чтобы открыть перед нею дверь. Видел бы кто из моих детей из ДЮСШ, решил, что тренер с катушек съехал.

— Проходи, Олеся, проходи, — черт возьми, столько подобострастия, аж самому неудобно! — Садись вот сюда, пожалуйста, на этот вот стульчик, а хочешь, на диванчик. Он мягонький, сидеть здесь будет удобнее всего.

Девушка, слегка удивленная моим радушием, присела на краешек дивана.

— Ну, рассказывай, чего ты там вспомнила? — От нетерпения я чуть ли не пританцовывал перед молоденькой поварихой, как жеребец перед собирающейся его покормить пастушкой.

— Да ничего особенного, — очевидно, боясь разочаровать меня, предупредила девушка. Мол, ожидает сыщик хренов нечто большое, а я ему нечто малозначашее сообщу. — Так, мелочь.

— Для тебя, возможно, и мелочь, а для меня — целое событие, — сказал я вкрадчиво. — Говори, говори, девочка, не стесняйся!

Девушка поправила на коленях халатик и заговорила:

— Вы знаете, а ведь я подходила вчера утром к окну открыть форточку пошире и глянула вниз, когда какой-то человек вошел в дверь кабинета заведующей детским садом.

Я пододвинул ногой стул и уселся на него.

— Ну, ну, — поторопил я девушку и, предвкушая, что сейчас наконец-то узнаю имя вора,

мысленно потер руки. — И кто же это был?

Но девица меня разочаровала.

— К сожалению, самого человека я не видела, — пробормотала она смущенно. — Я посмотрела вниз в тот момент, когда неизвестный уже вошел в кабинет и прикрыл дверь. Еще занавеска зашевелилась. В кабинете было темно, и разглядеть, кто именно это был, я не сумела.

— Какая досада! — воскликнул я в самых расстроенных чувствах. — Но хоть время, время ты запомнила?

К моей радости, Олеся кивнула:

— Представьте себе, да. Было ровно десять утра. У нас в столовой на стене висят часы с боем. Они как раз начали бить десять раз.

Все равно, хоть девушка и не видела похитителя, она запомнила время, а это, несомненно, удача! Я повеселел.

— Больше ничего добавить не можешь? — спросил я на всякий случай.

Олеся покачала головой.

— Нет. Вы извините, что сразу не сказала вам об этой детали. Как-то вылетело из головы. А после нашего с вами разговора пришла в столовую, а часы на стене начали бить. Вот я и вспомнила.

— Все в порядке, Олеся! — Я готов был расцеловать повариху, если бы она не восприняла мои поцелуи от радости за приставания

саладона. — Твое сообщение очень важно и многое для меня меняет! Спасибо тебе. — Я встал и расшаркался перед девушкой.

Она поднялась следом за мной.

— Ну, так я пойду?

— Иди, конечно. — Когда девушка дошла до двери я ее окликнул: — Олеся!

— Да?! — обернулась повариха, взглянув на меня своими бархатными глазами.

Любопытство меня одолело, и я задал мучивший меня дурацкий вопрос:

— А чего в садике поваром работаешь-то?

— Ах, это, — улыбнулась девушка, и на ее щеках образовались две милые ямочки. — Так дочь у меня маленькая. Ее в сад взяли только тогда, когда я на работу устроилась.

— Понятно, — усмехнулся я. Вот, оказывается, как просто объясняется тайна работы красивой девушки поварихой.

— А что? — вопросительно выгнула Олеся брови.

— Да так просто, — стусевался я. — Тебе бы по подиуму ходить...

— Еще успеется, — улыбнулась девушка и вышла из кабинета.

Едва за Олесей закрылась дверь, я достал мобильник и набрал номер Быстровой.

— Наталья Александровна, зайдите,

пожалуйста, в свой кабинет. Есть кое-какие новости, — заявил я, отключил мобильник и на этот раз на самом деле радостно потер руки.

Заведующая детским садом влетела в свой кабинет пару минут спустя.

— Нашли вора?! — вскричала она с порога.

— Нет, — сконфузился я. — Вы многого от меня хотите. Я лишь узнал точное время похищения драгоценностей. Но это многое значит, — проговорил я поспешно, видя, как радостное выражение лица Быстровой меркнет.

Заведующая детским садом села за стол совещаний и бессильно уронила на колени руки.

— А я так надеялась, — сказала она едва слышно.

«Надеялась она, — возмутился я в душе. — Что я ей, волшебник, что ли, за пару часов найти похитителя драгоценностей на несколько миллионов долларов! Вор тоже не дурак, поди не игрушку у детей в группе спер, знал, на что идет, действовал с умом, так что вычислить его непросто».

Но все равно дела сдвинулись с мертвой точки, я испытывал внутренний подъем, не мог усидеть на месте и принялся расхаживать по кабинету.

— Понимаете, Наталья Александровна, — проговорил я взбудораженно, — повариха Олеся

вчера утром заметила, как кто-то вошел в ваш кабинет со стороны внутреннего дворика. Самого человека она не видела, потому, естественно, не может даже сказать, кто это был: мужчина или женщина. Она взглянула из окна кухни на дверь вашего кабинета только в тот момент, когда за незнакомцем или незнакомкой закрылась дверь. Но она точно помнит, что это произошло ровно в десять часов. Так вот, — я остановился напротив молодой женщины, — меня интересует, кого из воспитателей в этот момент не было в актовом зале?

Заведующая детским садом забарабанила пальцами по столу.

— Так-так, кого же не было... — проговорила она, прикидывая что-то в уме, потом вскинула руки. — А, ну, как же! Спектакль не начинался до тех пор, пока в зале не собрались все воспитатели и дети. А представление началось ровно в десять часов. В этот момент как раз все находились на своих местах в зале.

Я сел за стол заведующей.

— Как вы помните, у нас оставалось тринадцать человек подозреваемых, — объявил я, берясь за ручку и листок бумаги с пометками. — Поварих я вычеркнул, они подтверждают алиби друг друга, никто из них не выходил из кухни и столовой в интересующее нас время. Осталось

десять человек. Вычеркиваем еще троих — двух нянечек, выведивших во время спектакля детей в туалет, и воспитателя, вышедшего из актового зала позвонить. Итого семь. Как насчет медсестры и воспитателя, остававшихся с больным ребенком?

— В десять часов они обе находились с малышом, — словно ожидая этого вопроса, быстро ответила молодая женщина. — Они ждали родителей ребенка, чтобы сдать его с рук на руки. Поэтому не могли оказаться в момент преступления в моем кабинете.

— Отлично! — Я вычеркнул из своего списка еще двоих человек — медсестру и воспитателя. — Осталось пятеро! Это охранник и бригада артистов из четырех человек.

Заведующая детским садом, как и я, вдруг почувствовала азарт идущего по следу сыщика. Лицо ее, утратившее было краски после того, как она решила, будто преступник мною найден, а оказалось, что нет, вновь порозовело.

— Можно исключить из списка еще одного человека, — произнесла она взволнованно. — Это артистку Нину Стороженко. Она начинала спектакль и ровно в десять находилась на сцене.

Я развел руками, как будто говоря, ну, вот видите, как все легко и просто, и вычеркнул еще одного человека.

— Осталось четверо — охранник, водитель

группы актеров и мужчина и женщина — артисты кукольного театра. — Я поднял взгляд на Быстрову. — Фамилии артистов не назовете?

— Нет. Стороженко знаю, так как все переговоры по проведению в детсаду кукольного спектакля велись с нею, а другими не интересовалась.

— Ладно, узнаем. — Я сложил в несколько раз листок со своими подсчетами и сунул его в карман рубашки. Надо бы папку для бумаг завести для внушительности, а то на листочках все каких-то, неприлично даже. — Наталья Александровна, вы случайно не узнавали у уборщицы, не закрывала ли она окно в вашем кабинете? — вспомнился мне тут еще один невыясненный вопрос.

Заведующая детским садом покривила губы, очевидно, желая таким образом сказать, что сожалеет, и проговорила:

— Спрашивала, но она не закрывала.

— Значит, закрыл охранник, — заключил я, ничуть не расстроившись таким оборотом дела, и встал. — Пойду-ка я поговорю с ним.

Подозреваемые

Охранник сидел в кресле за ресепшн и, подперев голову руками, слабо пытался бороться со

сном. Голова его тяжелела, тяжелела, потом съезжала с ладоней, он вздрагивал, смотрел осовелыми глазами прямо перед собой, снова укладывал голову на ладони, некоторое время тарасил глаза, затем голова его опять тяжелела, тяжелела...

Как я подошел, шериф не заметил. Достав из кармана монетку, я постучал ею по верхней столешнице ресепшн.

— Да-да! — встрепенувшись, воскликнул охранник, тщетно пытаюсь казаться человеком, у которого сна — ни в одном глазу.

— Джин с тоником и самую толстую сигару! — потребовал я с видом посетителя, пришедшего в бар.

Охранник откинулся на спинку кресла и подавил зевок.

— На сегодня мы уже закрылись, — пробормотал он. — Приходите завтра.

— Для хорошего человека все двери любых заведений должны быть всегда открыты. — Я обошел ресепшн и встал напротив мужчины. — Разговор есть, ковбой!

Охранник вдруг надул губы, отчего его усы распушились.

— Меня, между прочим, Андреем зовут, — проговорил он обиженно.

— Андреем так Андреем, — не стал я

спорить. — Только, шериф, нужно сесть как-то за стол переговоров и выкурить трубку мира, а то ты сидишь, а я стою перед тобой, словно студент перед экзаменатором.

Мужчина недобро взглянул на меня из-под кустистых бровей.

— Хорошо, пройдем в мою комнату, — согласился он не очень охотно — видать, все же не нравился я ему чем-то — и поднялся.

— Кабинетом бы уж назвал, чего скромничать? — хмыкнул я и направился следом за Андреем, шагнувшим в комнатку, расположенную рядом с ресепшн.

«Кабинет» охранника представлял собой помещение метра полтора на три. С одной стороны стоял диванчик, на стене висел щит пожарной сигнализации, шкафчик с ключами, рядом — еще какие-то устройства и счетчики. У стены справа располагался стол с одним стулом, сервант и шкафчик для одежды. В комнате стоял затхлый воздух, пахло подкисшей едой, табаком, грязными носками и еще чем-то.

— Ты бы, шериф, кабинет свой иногда проветривал, — посоветовал я, выискивая местечко почище, куда бы присесть. Выбрал затертый засаленный диван и пристроился на нем, на самом краешке.

— Я привык уже, — спокойно ответил

Андрей и сел напротив меня на единственный в комнатке стул.

— Перейдем сразу к делу, — заявил я, решив с ходу взять быка за рога. — Вчера вечером окно в комнате заведующей детским садом ты закрывал?

— Ну, я, — несколько озадаченно проговорил охранник. — А что?

Я пропустил вопрос Андрея мимо ушей.

— Как это было? — в свою очередь, спросил я.

— Ну, очень просто, — как человек, не понимающий, что он такого противоправного совершил, медленно и недоуменно произнес шериф. — Я ежедневно вечером делаю обход здания, проверяю с наружной стороны окна, смотрю, не включен ли где свет. А вчера вечером мне показалось, что окно в кабинете Натальи Александровны неплотно прикрыто. Я толкнул его, и оно открылось. Мне пришлось взять ключ от кабинета и пойти закрыть окно.

— И часто окна бывают открытыми? — поинтересовался я.

Охранник пожал плечами.

— Не часто, но бывают. Особенно в летнее время. Оставляют иной раз после проветривания помещений окна и фрамуги открытыми.

Я человек дотошный, как пристану, не отцеплюсь, пока всей подноготной не узнаю.

— А вчера ты в котором часу окно закрыл?

Андрюха, видать, по ночам службу исправно несет — не спит всю ночь, ибо днем зевает все время, в сон его клонит. Вот и сейчас он, в который уже раз, подавил зевок и признался:

— Сразу после того, как вы, поговорив с заведующей, ушли, и она удалилась вслед за вами.

— А открывал его кто, случайно не знаешь? — спросил я, глядя в упор на охранника.

Тот пожал плечами.

— Понятия не имею. Но наверняка Наталья Александровна, кроме нее некому. Тепло эти дни было, вот она и открыла окно, чтобы проветрить.

Я продолжал сверлить охранника взглядом.

— А может быть, ты открыл окно днем, скажем, часиков эдак в десять? Вспомни!

Охранник отрицательно покачал головой.

— Не-ет, я в кабинет заведующей не заходил. У меня и ключа-то от двери не было.

Я покривил в усмешке губы и со скепсисом произнес:

— Я не про внутреннюю дверь, а про окно, которое ты открыл снаружи. Ты знал, что маленькое окошко можно открыть со стороны улицы с помощью ножа, вот взял и открыл, а?

У охранника враз пропало желание не только спать, но и зевать.

— Да вы что? — вытаращил он глаза. —

Зачем мне это нужно?

— Как зачем? — Я сделал вид, будто удивился. — Затем, чтобы просунуть руку в окно, открыть изнутри дверь и войти в кабинет заведующей детским садом.

— Ах, вон вы о чем? — догадался Андрей. — Вы хотите сказать, что это я вошел в кабинет Натальи Александровны и украл из него какие-то вещи?

— Именно это я и хочу сказать! — с нажимом проговорил я. — Вот что, Андрюха, давай-ка сознавайся во всем, верни то, что взял в кабинете заведующей, и я обещаю тебе, что мы замнем это дело без привлечения полиции.

— Ага! — вполне искренне возмутился охранник. — Я дурак, что ли, сознаваться в том, чего не совершал? С какой стати я должен брать на себя чужие грехи? Да и нет у меня никаких вещей Натальи Александровны!

— Да ладно тебе, шериф, — я с фамильярным видом подмигнул. — Было дело, взял. Больше некому. Узнал про то, что в кабинете заведующей ценная вещь лежит, не удержался и стянул. С кем не бывает, соблазн штука великая! Короче, все останется в строжайшем секрете, никто из сотрудников ни о чем не узнает. Будем в курсе только Быстрова, ты и я. Признавайся, Андрей, это твой шанс выйти сухим из воды...